

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

УДК 338(045)(470+571)

ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

СОРОКИН ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

*доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
проректор по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия*
E-mail: ds@inecon.ru

АННОТАЦИЯ

Российская экономика с 2010 г. характеризуется развитием стагнационных тенденций. Среднесрочные сценарии, предлагаемые Минэкономразвития России, смещаются в сторону пессимистических вариантов. В этих условиях важно понять причину того, почему принимаемые меры не дают позитивных результатов. Предлагаемая статья обосновывает условия, при которых возможна реализация оптимистического сценария. **Ключевые слова:** прогноз социально-экономического развития; производительность труда; инвестиционная активность; экономическая политика.

AN OPTIMISTIC SCENARIO OF THE RUSSIAN ECONOMY DEVELOPMENT

DMITRY E. SOROKIN

*Doktor of Economics, Full Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences,
Vice – Rector for Research, the Financial University, Moscow, Russia*
E-mail: ds@inecon.ru

ABSTRACT

Since 2010, the Russian economy has been characterized by the development of stagnation tendencies. Medium-term scenarios proposed by the Economic Development Ministry of Russia are shifting towards pessimistic options. In this situation it is important to understand the reason why the measures taken do not give positive results. The paper substantiates the conditions that make possible implementation of an optimistic scenario.

Keywords: socio-economic forecast; labor productivity; investment activity; economic policy.

В последние годы общая направленность экспертных оценок относительно социально-экономических перспектив российской экономики постоянно смещалась в сторону все большего пессимизма. Это убеждение усиливалось по мере накопления прогнозных и фактических значений темпов экономического роста (*табл. 1*).

Постепенно становилось ясно, что снижение темпов носит не конъюнктурный характер, а складывается в устойчивую

тенденцию, обусловленную прежде всего внутренними причинами.

Главным источником устойчивого экономического роста является рост производства в реальном секторе экономики. Рост производства может происходить:

1) за счет вовлечения дополнительного числа занятых работников, сопровождаемого адекватным увеличением используемых материальных ресурсов, — это экстенсивный тип экономического роста;

Таблица 1

Прирост ВВП, % к предшествующему году

Годы	2010	2011	2012	2013
Прогнозы Минэкономразвития России (базовый вариант) *	3,1	4,2	3,5	3,6
Фактический	4,5	4,3	3,4	1,3

* Прогноз от декабря предшествующего года

Источники: здесь и далее, если не указано иное, использованы данные прогнозов Минэкономразвития России и Росстата или расчеты на основе этих данных.

2) путем более эффективного использования имеющихся ресурсов, выражающегося как в снижении трудовых и материальных затрат на единицу полезного эффекта производимой продукции, так и в выводе на рынок принципиально новых конкурентоспособных товаров — интенсивный тип экономического роста, опирающийся на рост производительности труда и совершенствование технологической базы.

В 2010–2013 гг. среднегодовой темп прироста числа занятых в экономике был в 2,5 раза меньше, чем в 1999–2008 гг. (0,75% против 1,9%). Согласно сентябрьскому (2014 г.) прогнозу Минэкономразвития численность занятых в 2017–2017 гг. будет сокращаться со среднегодовым темпом от 0,1 до 0,2%. В этих условиях производительность труда, по существу, становится единственным фактором экономического роста.

Однако среднегодовые темпы прироста производительности труда в 2010–2013 гг. сократились по сравнению с периодом 1999–2008 гг. почти в 2 раза (с 5,2 до 2,9%). При этом, судя по данным, приводимым высшим политическим руководством страны, этот показатель находится на крайне низком уровне¹. Отсюда понятно, почему в основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации до 2018 г. отмечается: «Совокупность сложившихся вызовов и условий экономического развития определяет в качестве основной цели повышение конкурентоспособности российской

экономики на основе интенсивного роста производительности труда». По сути, происходит возвращение к постановке задач тридцатилетней давности².

Рост производительности труда в первую очередь определяется организационно-технологическими факторами. Не затрагивая организационную сторону дела (ее качество зависит прежде всего от квалификации управляющих), сосредоточимся на технологическом состоянии экономики. Последнее формируется в отраслях машиностроения. Вместе с темп в ходе кризиса 1990-х гг. эти производства подверглись фактическому разрушению. Объем выпуска машин и оборудования сократился на 2/3 уровня 1991 г. При этом сборка металлорежущих станков сократилась почти в 9 раз, в том числе с числовым программным управлением (ЧПУ) — в 125 раз, кузнечно-прессовых машин — в 19 раз (с ЧПУ — в 77 раз), автоматических и полуавтоматических линий для машиностроения и металлообработки — почти в 16 раз. Одновременно происходило качественное ухудшение технологической базы. В экономической литературе отмечается, что в этот период доля наукоемкого сектора в общем объеме промышленного производства в 1990-е гг. сократилась в 2 раза [1], было утрачено более 40% запаса технологий и до 90% проектно-конструкторских организаций [2]. В ходе последующего

¹ Путин В.В. Выступление в Государственной Думе Федерального собрания РФ 11 апреля 2012 г. URL: russia-today.ru/article.php?i=394 (дата обращения: 15.11.2013).

² См.: Отчет ЦК КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики партии // Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. С. 43–44.

Среднегодовые темпы прироста**, %

Темпы прироста	Фактический прирост		Прогноз (сентябрь 2014 г.)			
	1999–2008	2010–2013	2014–2017		2010–2017	
			базовый	умеренно-оптимистический	базовый	умеренно-оптимистический
Инвестиции в основной капитал	12,1	5,9	1,0	3,9	3,5	4,9
Производство машин и оборудования	9,0*	6,4	1,0	3,2	3,7	4,8
Производительность труда	5,2**	2,9	2,0	3,0	2,5	3,0
ВВП	6,9	3,4	1,7	2,9	2,6	3,1

* 2000–2008 гг. ** 2001–2008 гг.

Исключением является умеренно-оптимистический вариант на 2014–2017 гг. по показателю производительности труда, несколько превышающий темп 2010–2013 гг. Однако в посткризисном периоде (2010–2017 гг.) этот показатель оказывается в 1,7 раза меньше, чем в период 2001–2008 гг.

восстановительного роста объем производства машин и оборудования увеличивался крайне неравномерно. В результате по итогам 2008 г. изготовление машин и оборудования составляло менее 2/3 (63,6%) уровня 1991 г. В том числе производство металлорежущих станков — чуть более 7% (с ЧПУ — 3,4%), кузнечно-прессовых машин — 11,5% (с ЧПУ — 15,5%), автоматических и полуавтоматических линий для машиностроения и металлообработки — 1,3% к уровню 1991 г.

Последующий кризис (2009 г.) наиболее сильно сказался именно на этой отрасли (падение составило треть от достигнутых объемов). Восстановление шло, во-первых, с замедлением темпов прироста и, во-вторых, в 2013 г. вновь сократилось производство. В результате объемы производства оказались ниже уровня 2008 г. (53,7% к уровню 1991 г.).

Следствием стало физическое и моральное старение технологической базы экономики. Согласно данным Минэкономразвития России, в реальном секторе экономики возраст почти 80% технологического оборудования — от 16 до 35 лет; в числе прочего в машиностроении более половины — свыше 25 лет. Понятно, что обеспечивать

высокие темпы роста производительности труда, производить конкурентоспособную продукцию на такой технологической основе, как минимум, крайне затруднительно, и организационные факторы роста могут дать лишь ограниченные результаты.

Изменить сложившуюся ситуацию возможно только через масштабное обновление (модернизацию) технологической базы экономики, что требует масштабных инвестиций. Однако в период 2000–2013 гг. доля инвестиций в производство машин и оборудования колебалась в пределах 0,5–0,9% общего объема инвестиций в основной капитал. Тем не менее в период восстановительного роста 1999–2008 гг. низкая доля инвестиций в машиностроение отчасти компенсировалась высокими темпами прироста общего объема инвестиций в основной капитал, составлявшими в среднегодовом исчислении 12,1%. Но в 2010–2013 гг. этот показатель снизился более чем в 2 раза, до 5,9%, при этом в 2013 г. физический объем инвестиций сократился по отношению к предшествующему году. Именно в этом заключается главная материальная причина замедления темпов экономического роста страны.

Вместе с тем создается впечатление, что экономические власти смирились со сложившейся ситуацией и не видят возможностей ее позитивного изменения. Иначе чем объяснить, что, начиная с сентября 2013 г., впервые за всю историю подготовки такого рода документов в качестве базовых вариантов среднесрочных прогнозов выбираются так называемые консервативные (по существу инерционные) варианты, предусматривающие дальнейшее снижение ключевых параметров экономического роста. При этом такое снижение в сопоставимые периоды предусматривается даже в случае реализации умеренно-оптимистического варианта прогноза (табл. 2).

Конечно, можно отметить, что среднегодовой прирост валового внутреннего продукта (ВВП) России в 2010–2013 гг. в объеме 3,4% был в 1,5 раза выше аналогичного показателя США и более чем в 5 раз — Европейского союза. Однако планируемый на 2014–2017 гг. прирост в размере 2,1% хотя и выше базового прогноза по ЕС, но только в 1,5 раза, и в 1,4 раза ниже прогнозируемых темпов по США. При этом предсказывается, что рост ВВП Китая будет опережать российский более чем в 3 раза. Это означает, что в предстоящий среднесрочный период Минэкономразвития ожидает изменения соотношения экономических сил с основными геополитическими конкурентами не в пользу России. Следует учитывать также сохраняющуюся неопределенность в трендах развития мировой экономики и обострение внешнеполитической напряженности, которые не исключают негативных для России изменений внешнеэкономической среды, способных в определенных случаях нанести заметный ущерб национальной экономике.

Однако даже в условиях стабильности внешнеэкономической обстановки прогнозируемые темпы чреватые серьезными негативными стратегическими последствиями для страны.

В утвержденных 31 января 2013 г. Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 г. отмечается: «В предстоящий среднесрочный период необходимо обеспечить

выход на траекторию устойчивого экономического роста на уровне не менее 5%. ... Без реализации активной и целенаправленной экономической политики темпы экономического роста снизятся в 1,5–2 раза (до 2–3% в год). Это критически мало. При такой динамике ВВП не удастся сбалансировать экономические и социальные составляющие развития страны».

Базовый прогноз (с учетом итогов 2013 г.), представленный в сентябре 2014 г., предполагает, что в 2013–2017 гг. среднегодовой темп прироста ВВП составит лишь 1,7%, а умеренно-оптимистический — 2,5%. Таким образом, экономика, образно говоря, «заступает за красную черту», где начинается разбалансировка социально-экономических составляющих развития страны. Так, согласно базовому варианту прогноза, среднегодовые темпы прироста реально располагаемых денежных доходов населения в 2014–2017 гг. окажутся в 2 раза ниже (в умеренно-оптимистическом — в 1,3 раза), чем в 2010–2013 гг.³ Исходя из приведенных данных, умеренно-оптимистический сценарий правильнее назвать пессимистическим, а базовый — критическим.

В сложившейся ситуации у экономической политики не может быть более важной задачи, чем перелом сложившихся негативных тенденций. *Необходим прогноз, обеспечивающий условия, при которых будет обеспечиваться устойчивость социально-экономического развития страны в стратегической перспективе даже при неблагоприятном воздействии внешних факторов.*

Исходным условием для осуществления такого перелома является решительный отказ экономических властей от пессимистических сценариев. Как можно ожидать роста инвестиционной активности субъектов хозяйствования, если бизнесмены, принимающие решения о реализации тех или иных инвестиционных проектов, считают, что согласно базовому варианту прогноза на 2014–2016 гг. (сентябрь, 2013 г.) «в видовой структуре инвестиций в 2013 г. вероятно сокращение доли инвестиций

³ По предварительным данным Росстата, за первое полугодие 2014 г. реально располагаемые денежные доходы практически остались на уровне соответствующего периода 2013 г. (100,1 %).

в машины и оборудование, что соответствует снижению спроса на продукцию машиностроения», и что «прогнозируемый низкий спрос на машины и оборудование приведет к дальнейшему снижению доли этой группы в структуре инвестиций»?⁴ А базовый сценарий в 2014–2017 гг. предполагает «сохранение инерционных трендов, сложившихся в последний период, консервативную инвестиционную политику частных компаний, ограниченные расходы на развитие компаний инфраструктурного сектора, при стагнации государственного спроса»... Видимо, поэтому авторы прогноза, справедливо называя предлагаемую ими инвестиционную траекторию «стагнационной», объясняют ее «ростом недоверия бизнеса». Это — типичный случай самореализующегося прогноза.

Материальным условием реализации оптимистического сценария является перелом тенденции снижения инвестиционной, а по сути предпринимательской, активности субъектов хозяйствования, обеспечение ее направленности на обновление (модернизацию) организационно-технологической базы производства в целях повышения его эффективности при производстве конкурентоспособной продукции. Понимание этого существует и в профессиональной среде, и у экономических властей. Проблема заключается в том, какие механизмы (стимулы, рычаги) следует использовать для осуществления такого перелома.

Известно, что движущей силой реального экономического роста в рыночной экономике является конкуренция⁵. Главным же

субъектом роста является шумпетерианский предприниматель-новатор, «перетягивающий» на себя финансовые ресурсы в целях создания новых более эффективных технологий. Соответственно создание благоприятного экономического климата для таких предпринимателей требует устранения излишних административных барьеров, эффективной защиты прав собственности, недопущения монополизации рынков, удешевления и упрощения доступа к финансовым ресурсам. Именно на эти мероприятия и была нацелена политика экономических властей с начала 2000-х гг.

В принятой в 2001 г. Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (до 2004 г.) декларировалось: «Дерегулирование экономики, гарантии прав собственности и равных условий конкуренции должны стать основными мотивами экономической политики. В российской экономике нерыночные сигналы играют существенную роль. Решением этой проблемы призвана стать дальнейшая приватизация в сочетании с последовательным применением антимонопольного законодательства».

В последующих документах такого рода эти положения превратились в клише, повторяемые как заклинания. Так, в Прогнозах социально-экономического развития Российской Федерации на 2011–2013; 2012–2014; 2013–2016 гг. дословно воспроизводятся следующие установки:

- значительное увеличение темпов приватизации в целях последовательного сокращения государственного сектора экономики;
- развитие механизмов защиты прав собственности акционеров и инвесторов;
- совершенствование нормативных правовых актов в сфере законодательства о несостоятельности (банкротстве);
- улучшение конкурентной среды;
- совершенствование антимонопольного регулирования;
- совершенствование регулирования субъектов естественных монополий.

⁴ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2014 г. и на плановый период 2015 и 2016 гг. (разработан Минэкономразвития России). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152459/?frame=15 (дата обращения: 15.05.2014).

⁵ Об этом писал еще К. Маркс: «...Капиталист, применяющий улучшенный способ производства, присваивает в виде прибавочного труда большую часть рабочего дня, чем остальные капиталисты той же самой отрасли производства. ...Этот самый закон в качестве принудительного закона конкуренции заставляет соперников нашего капиталиста ввести у себя новый метод производства». URL: <http://www.revachiv.narod.ru/marxeng/oeuvre.html> (дата обращения: 15.05.2014). При этом К. Маркс ссылается на общеизвестность этого процесса, цитируя издание 1720 г.: «...всякое изобретение, инструмент или машина, позволяющее обходиться с меньшим количеством рук и, следовательно, производить дешевле, вызывает у других своего рода необходимость и соревнование или в использовании такого же изобретения, инструмента или машины, или же в изобретении чего-либо подобного, так, чтобы все находилось в равных условиях и никто не мог продавать дешевле своего соседа». (The Advantages of East-India Trade to England. London, 1720, p. 67).

В тех же прогнозах последовательно декларировалась необходимость ужесточения бюджетной политики через снижение государственных расходов для обеспечения бездефицитности бюджета.

Тем не менее реальная экономическая динамика, как видно из вышеприведенной статистики, продолжала ухудшаться, это свидетельствовало о том, что проводимые мероприятия не привели к созданию критической массы шумпетерианских предпринимателей-новаторов. Более того, сами авторы этих установок перестают верить в их эффективность и воспроизводят их лишь в качестве обязательного ритуала, призванного засвидетельствовать их идеологическую приверженность курсу на развитие рыночных механизмов. Иначе чем объяснить факт, что, декларируя вышеприведенные формулы, одновременно прогнозируется дальнейшее ухудшение экономической ситуации? Одним из последних примеров может служить разработанный Минэкономразвития России и утвержденный Правительством РФ⁶ план мероприятий по обеспечению повышения производительности труда, создания и модернизации высокопроизводительных рабочих мест на период до 2018 г. Планом, в частности, предусмотрено: стимулирование инвестиций для обновления и модернизации производства, технологического обновления и замены устаревших рабочих мест; создание условий для профессионального развития работников и повышения мобильности трудовых ресурсов; меры по повышению производительности труда в компаниях с государственным участием и т.п. Однако запланированные темпы прироста производительности труда взяты из базового (пессимистического) сценария на 2014–2017 гг., а среднегодовой темп прироста, предусмотренный планом на 2014–2018 гг., оказывается ниже, чем в базовом сценарии до 2017 г. (2,4 против 2,6%). И это при том, что еще в базовом варианте прогноза на период 2014–2016 гг., где предполагаемые темпы

роста производительности труда (3,6% в год) существенно превышали ныне прогнозируемые на те же годы, отмечалось, что этот темп «не позволяет значительно сократить разрыв с развитыми странами по уровню производительности труда». Получается, что мероприятия плана рассчитаны на реализацию наихудшего сценария⁷.

Тем не менее все эти факты не являются свидетельством неверности теоретической концепции, положенной в основу проводимой экономической политики. Просто необходимо помнить, что теоретические концепции любой науки оперируют абстракциями и сформулированные в них закономерности проявляются в «чистом» виде лишь при соблюдении «прочих равных условий». В реальной жизни таких «равных условий», как правило, не бывает. Для того чтобы теоретические построения превратились в прикладные инструменты экономической политики, необходимо соотносить их с реально сложившейся внутренней и внешней социально-экономической и политической ситуацией. Известно, к каким негативным последствиям для страны привела борьба за «чистоту теории» в период так называемого социалистического (коммунистического) строительства, игнорирующая экономическую реальность. Стоит ли сегодня повторять, по существу, ту же ошибку с неизбежностью тех же последствий, борясь уже за «чистоту рыночных принципов»? В умении соединять стратегические цели, диктуемые объективными закономерностями общественной эволюции, с условиями их достижения, предписанные конкретно сложившейся ситуацией, и состоит искусство экономической политики, которая в каждый данный момент может не совпадать с теоретическими постулатами и даже видимо «противоречить» им, сохраняя, тем не менее, научно обусловленный вектор движения. И потому не стоит теоретикам экономической науки брать на себя функции экономических

⁶ План мероприятий по обеспечению повышения производительности труда, создания и модернизации высокопроизводительных рабочих мест. Распоряжение Правительства РФ от 09.07.2014 N 1250-р.

⁷ Приводимые в плане довольно высокие темпы роста производительности труда по крупным и средним предприятиям обрабатывающей промышленности, в том числе по авиационной и судостроительной промышленности, не могут быть оценены ввиду отсутствия соответствующих данных за предыдущие периоды.

политиков, помня, что это иная область профессиональной деятельности. Способность к приращению объективного знания об окружающем мире и умение на основе этого знания выстроить теоретически непротиворечивые представления (концепции) их возможного применения характеризуют профессионализм ученого. Профессионализм же политика выражается в умении сообразовывать теоретические конструкции со временем, местом и обстоятельствами.

В этой связи, обращаясь к российским реалиям, полезно задаться следующими вопросами.

1. Располагают ли сегодня российские предприниматели и негосударственные финансовые институты ресурсами для решения масштабных задач коренного технологического перевооружения национальной экономики?

2. Насколько реально получить ресурсы для создания конкурентоспособной технологической базы из зарубежных источников?

3. Располагает ли сегодня российская экономика той критической массой предпринимателей-новаторов, которые готовы обеспечить соответствующее перенаправление финансовых потоков?

Последнее заставляет напомнить, что лидеры современного российского предпринимательства выросли не из конкуренции за рынки через нахождение организационно-технологических новшеств, а из конкуренции за раздел и передел собственности, требующей совсем иных умений. В силу этих объективных обстоятельств напрасно ожидать от них поведения, характеризующего шумпетерианских предпринимателей-новаторов. Безусловно, соответствующие изменения институциональной среды будут способствовать появлению тех предпринимателей, чей талант будет направлен на необходимые преобразования. Однако для такого рода изменений недостаточно принятия самых совершенных, с точки зрения потребностей эффективных рыночных механизмов, законов и иных нормативных актов. Еще Д. Норт отмечал ошибочность представлений, «что жизнь и экономические

процессы подчиняются писаным законам и правам собственности». Однако даже в самых развитых экономиках формальные правила составляют небольшую (хотя и очень важную) часть той совокупности ограничений, которые формируют стоящие перед нами ситуации выбора. Наше поведение в огромной степени определяется неписаными кодексами, нормами и условностями» [3]. Юристы называют это явление расхождением между правом и правоприменительной практикой. Преодоление этого расхождения требует изменений в общественном сознании, которые происходят достаточно медленно. И здесь возникает самый главный вопрос: *располагает ли Россия тем ресурсом времени, который требуется для такого рода изменений? Сложившийся ныне вектор экономической динамики и геополитическая обстановка дают однозначно отрицательный ответ*⁸.

Значит ли это, что оптимистический сценарий в принципе не реализуем?

Решительно нет.

Необходимо и дальше последовательно и настойчиво осуществлять институциональные меры, способствующие появлению и накоплению критической массы шумпетерианских предпринимателей-новаторов⁹. Вместе с тем следует понимать, что эти меры в нынешней российской социально-экономической реальности, *безусловно, необходимы, но недостаточны* для перехода к траектории устойчивого экономического роста *в отведенные стране сроки*. Они должны быть дополнены комплексом мероприятий, способных «заполнить временную яму» между необходимостью немедленного перелома стагнационных тенденций и временем, когда эту функцию сможет взять на себя новое поколение российских предпринимателей.

⁸ В каком-то смысле к нынешней ситуации применим тезис, высказанный более 80 лет назад: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (Сталин И.В. О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. Соч. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1951. С. 39).

⁹ О содержательности, последовательности осуществления и сопряжения их с конкретно складывающейся ситуацией можно и нужно дискутировать.

Ресурсами (материальными, финансовыми и организационными), необходимыми для масштабного модернизационного прорыва, сегодня обладает только государство. Отсюда постоянное обращение к этому источнику со стороны не только части экспортного сообщества, но и экономических властей. В Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2012 г. и плановый период 2013–2014 гг. (сентябрь, 2011 г.) читаем: «Развитие российской экономики в период реформ показывает, что либеральные, чисто рыночные механизмы не приводят к быстрому развитию высокотехнологичных производств. Дефицит финансовых и технологических ресурсов, недостаточное развитие транспортной и энергетической инфраструктуры, а также нехватка квалифицированных кадров препятствуют масштабному переходу к инновационному, социально-ориентированному типу развития. Такое положение требует активизации государственного вмешательства в экономику страны и проведения комплексной политики модернизации». В государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» констатируется: «В начале 2000-х гг. стало очевидно, что без участия государства в решении ключевых задач инфраструктурного, инвестиционного и инновационного характера промышленность не сможет выйти на необходимый уровень конкурентоспособности. Необходимо выработать государственную промышленную политику, определяющую национальные цели и приоритеты в сфере промышленности, сформировать стратегии развития отраслей промышленности и инструменты их реализации»¹⁰.

В свою очередь, такой инвестиционный маневр требует:

- определения приоритетных направлений государственного инвестирования на основе инвентаризации имеющегося научно-промышленного потенциала;

- стратегического планирования (а не просто прогнозирования) с жесткой ответственностью исполнителей;

- мобилизации имеющихся в распоряжении государства активов для реализации принятых планов.

Вместе с тем, как видно из вышеприведенных прогнозов Минэкономразвития России, осуществление такого маневра сдерживалось продолжением политики сокращения инвестиционной активности государства, в том числе через ограничение расходов государственных финансовых ресурсов.

Объяснение такой противоречивости может быть двояким.

Во-первых, активизация инвестиционной активности государства требует отказа от трех «священных коров» либерализации предпринимательской деятельности:

- 1) жестких бюджетных ограничений;
- 2) недопустимости бюджетного дефицита;
- 3) масштабной приватизации государственных активов.

Во-вторых, инвестиционная активность государства несет в себе определенные риски. Оппоненты этих мер справедливо указывают, во-первых, что государство при прочих равных условиях «плохой предприниматель» по сравнению с частным. В-третьих, существует опасность неверного определения приоритетов структурных преобразований, ведущая к растрате ресурсов. В-четвертых, инвестиционная активность государства чревата всплеском инфляционных тенденций. В-пятых, в России мы имеем «неэффективное государство».

Соглашаясь в принципе с приведенными доводами, необходимо отметить такие моменты.

Во-первых, тезис о государстве как «плохом предпринимателе» в нынешних российских реалиях сталкивается с ситуацией отсутствия критической массы «хороших» предпринимателей, по крайней мере, в сфере, которая связана с технологическими преобразованиями¹¹ («за неимением гербовой, пишут на простой»).

¹⁰ Государственная программа утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.01.13. № 91-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_141562/.

¹¹ История с Ё-мобилем — одно из подтверждений этого тезиса. URL: <http://eomobile.ru/> (дата обращения: 11.05. 2014).

Во-вторых, современная наука знает способы минимизации рисков, возникающих при определении приоритетов научно-технологического развития. Сохраняющиеся риски ошибок существенно меньше рисков, возникающих при отказе от такого определения.

В-третьих, соглашаясь с тезисом об инфляционных рисках, следует иметь в виду, что известны механизмы минимизации этих рисков и при этом последние, как минимум, не превышают риски, возникающие вследствие дефицита инвестиционных ресурсов, порожденного ограничением госрасходов. Кажется, это начинают понимать, по крайней мере на вербальном уровне, и экономические власти. В Прогнозах на 2012–2015 гг. (сентябрь, 2012 г.) и на 2014–2016 гг. (сентябрь, 2013 г.) декларируется «поддержание устойчивости бюджетной системы за счет введения бюджетного правила и ограничения в рамках его уровня расходов федерального бюджета». При этом в прогнозе на 2014–2016 гг. устанавливается, что «денежная политика ориентируется на переход в 2015 г. к таргетированию инфляции». Однако в майском (2014 г.) прогнозе Минэкономразвития на 2014–2017 гг. содержится признание того факта, что «одним из основных внутренних рисков является достаточно жесткий ориентир по инфляции, таргетируемой Банком России» и «умеренно-оптимистичный вариант развития экономики предполагает модернизацию бюджетного правила путем увеличения дефицита федерального бюджета».

В-четвертых, принимая в качестве исходного положения тезис о неэффективном государстве, мы обрекаем себя на бездействии. Ведь малоэффективное государство не только не сможет проявлять должную инвестиционную, но и институциональную активность, в том числе в развитии частно-предпринимательских свобод.

Следует также иметь в виду, что сама по себе инвестиционная активность государства не противоречит задачам развития частнопредпринимательской активности. Более того, опыт стран, реализовавших успешное формирование современных высокотехнологичных укладов, показывает, что

этот процесс происходит при масштабной инвестиционной поддержке государства. Определяя задачу возрождения американской обрабатывающей промышленности (*manufacturing*) в Послании «О положении в стране» (12 февраля 2013 г.), Президент США предложил Конгрессу поддержать его инициативу о одновременных инвестициях в размере 1 млрд долл. на создание в стране сети из 15 институтов инноваций для обрабатывающей промышленности и выразил намерение использовать ресурсы исполнительной власти для создания трех новых институтов, которые в партнерстве с бизнесом, университетами, колледжами и правительством будут создавать и развивать производственные технологии, которые помогут находящимся на территории США предприятиям организовать привлекательные рабочие места.

Сегодня сценарий, содержащий комплексную систему мер со стороны государства, призванных переломить сложившиеся негативные социально-экономические тенденции в России, содержится в докладе, подготовленном в экономической секции Отделения общественных наук, представленном Президенту страны [4]. Существует также целый ряд признаков, что государство активизирует свою роль в этом направлении. В институциональной сфере — это подготовка законов о стратегическом планировании и промышленной политике. В инвестиционной деятельности — это принятие решений об осуществлении за счет средств Фонда национального благосостояния и Российского фонда прямых инвестиций крупнейших инвестиционных проектов (БАМ, Транссиб, ЦКАД, Тывинский, «Умные сети» и ликвидации цифрового неравенства), о направлении до 10% средств ФНБ в проекты с участием российской государственной корпорации «Росатом».

Вместе с тем опора на инвестиционную активность государства для перелома негативных тенденций также является *обязательным, но недостаточным* условием реализации оптимистического сценария.

Прежде всего необходимо помнить, что государство в силу объективно присущих

большим системам (национальная экономика является именно такой системой) ограничениям способно лишь к точечным прорывам и не способно обеспечить комплексное социально-экономическое развитие страны. Подтверждением этого теоретического постулата служит наш собственный исторический опыт модернизации экономики (Петровская модернизация, индустриализация 1930-х гг., неудавшаяся попытка «оседлать» научно-техническую революцию в 1970-е гг.).

При этом нельзя забывать о самом существенном риске политики наращивания инвестиционной активности государства, вытекающем из исторического прошлого России. Он заключается в устоявшейся вере во всемогущество государства. В этих условиях существует риск того, что власть начнет осуществлять инвестиционную активность исключительно через так называемый «мобилизационный механизм», опирающийся на приоритет властного принуждения. В результате инвестиционная активность государства станет всеобщей, подавляющей частнопредпринимательскую инициативу. Наш исторический опыт показывает, к каким негативным последствиям для общества может привести этот вариант, даже если первоначально он будет введен как временная мера.

Соответственно лишен смысла инвестиционный импульс государства без его активной поддержки инвестиционной активностью предпринимателей. Выход может быть найден через соединение мощного инвестиционно-модернизационного стимула государства с экономической заинтересованностью в этом частнопредпринимательского сектора при условии действия механизмов, предотвращающих как мобилизационный вариант, так и приватизацию государства. Это и будет *необходимым и достаточным условием* реализации оптимистического сценария.

Обоснование такого сценария, мер по его реализации невозможно лишь в рамках экономической теории, а требует объединения (интеграции) интеллектуального потенциала всех направлений (школ) обществоведческой мысли. Это и будет реальным вкладом российской обществоведческой науки

в национально-государственное возрождение России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маршан П., Самсон И.* Метрополисы и экономическое развитие России // Вопросы экономики. 2004. № 1. URL: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n1_2004.html (дата обращения: 15.10.2013).
2. *Агеев А.* Вопросы почемучек // Экономические стратегии. 2014. № 2. С. 5.
3. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 56.
4. Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономики: доклад Российской академии наук / под ред. *А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева.* М.: РАН, 2013. 93 с.

REFERENCES

1. *Marshan P., Samson I.* Metropolisy i ekonomicheskoe razvitie Rossii [Metropolises and economic development of Russia]. *Voprosy ekonomiki — Issues of Economics*, 2004, no. 1. URL: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n1_2004.html (accessed date: 15.10.2013). (In Russ.)
2. *Ageev A.* *Voprosy pochemuchek* [Questions of such curious]. *Ekonomicheskie strategii — Economic Strategies*, 2014, no. 2, p. 5. (In Russ.)
3. *Nort D.* *Instituty, institutsional'nye izmeneniia i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Changes and Economic Performance]. М.: Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala» — Fund of economic book «Principia», 1997, p. 56. (In Russ.)
4. *Rossiia na puti k sovremennoi dinamichnoi i effektivnoi ekonomiki: doklad Rossiiskoi akademii nauk. Pod red. A.D. Nekipelov, V.V. Ivante.r, S. Iu. Glaz'ev* [Russia on the way to the modern dynamic and efficient economy: report of the Russian Academy of Sciences]. Ed. *A. D. Nekipelov, V. V. Ivanter, S. Yu. Glazyev*. М.: RAN — RAS, 2013, 93 p. (In Russ.)